

О СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ (1920—1930-е гг.)

Наталья Геннадьевна КУЛИНИЧ,
кандидат исторических наук,
г. Хабаровск

Одной из важнейших особенностей социального развития дальневосточных городов в 20—30-е годы XX в. являлась повышенная социальная мобильность населения, обусловленная спецификой политического и экономического развития региона. Основными факторами ее усиления первоначально были революционные события, затянувшиеся до октября 1922 г. гражданская война и интервенция, существенно ослабившие социальные связи и способствовавшие перемещению индивидов из одной социальной позиции в другую. В дальнейшем главным ускорителем социальной мобильности городского населения стала начавшаяся во второй половине 20-х годов индустриализация, сопровождавшаяся урбанизацией. Число горожан в дальневосточном регионе увеличилось с 289,6 тыс. чел. в 1926 г. до 941,9 тыс. чел. к началу 1937 г., т.е. в 3,2 раза¹ (в РСФСР за этот же период число городских жителей только удвоилось). В результате удельный вес горожан в составе населения ДВК вырос с 27,9% в 1923 г. до 41,2% на 1.01.1937 г.²

При этом мобильность городского населения дальневосточного региона в рассматриваемый период отличалась значительными временными колебаниями. Так, в 20-е годы в связи с затяжным характером восстановления промышленности темп роста числа горожан замедлился. С 1924/25 года по 1928/29 год число сельских жителей увеличилось на 25,0%, а городских — всего на 21,5%. Это привело к сокращению удельного веса последних в общей численности населения края с 27,9% до 25,2%³. Основной рост городского населения пришелся на 30-е годы, когда край активно вовлекался в процесс индустриализации будучи ориентированным в основном на трудоемкие, требующие значительных человеческих ресурсов отрасли. Среднегодовой прирост составлял почти 100 тыс. чел. и складывался главным образом за счет механического движения населения.

Основной формой социальной мобильности в этот период на Дальнем Востоке, как и в целом по стране, было переселение крестьян в город, что влекло за собой не только изменение условий их жизни, но и социального статуса (большинство прибывших становились рабочими). Например, среди рабочих и служащих Хабаровского нефтеперерабатывающего завода в 1935 г. выходцы из деревни составляли 57,3%⁴. Первостроитель Хабаровского авторемонтного завода «Дальэнергомаш», Герой социалистического труда В.И. Размахнин вспоминал: «Приехали мы строить его в лаптях... А на мне тогда еще домотканая льняная рубаха была. Длинная такая...»⁵

Однако в отличие от других регионов страны, где городское население росло преимущественно за счет местного крестьянства, дальневосточные города

пополнялись в основном путем так называемого «промпереселения» и «завоза» из центральных районов России и Сибири. За 1928—1937 гг. на Дальний Восток прибыло 725,3 тыс. промпереселенцев, 112,5 тыс. сельхозпереселенцев, а естественный прирост за этот период составил только 324,4 тыс. чел.⁶ Поэтому путь превращения вчерашнего крестьянина в дальневосточного горожанина был более сложным и состоял из нескольких промежуточных этапов. Сначала он «приходил в город» в одном из центральных районов страны или Сибири, там, не успев адаптироваться к новым для себя условиям и вследствие этого обладая повышенной социальной мобильностью, становился «легкой добычей» вербовщиков, не скупившихся на заманчивые обещания, связанные с жизнью в далеком незнакомом крае. Подтверждением этому служит тот факт, что, хотя более половины прибывавших в города региона указывали, что ранее проживали в сельской местности, большинство из них к моменту переезда на Дальний Восток уже утратили связь с сельскохозяйственным трудом. Например, из 6287 чел., прибывших в 1937 г. в г. Николаевск, 3568 чел. местом своего прежнего пребывания указали село, но только 28 чел. идентифицировали себя как крестьяне. Из 69 170 прибывших в том же году в краевой центр г. Хабаровск сельскими жителями считали себя 29 975 чел., но из них колхозниками — всего 1310 чел. и крестьянами-единоличниками — 85 чел.⁷

Попав в новые для них природно-климатические, социальные и культурные условия, переселенцы не сразу и не всегда «приживались». Уж очень далеки были дальневосточные реалии от обещаний вербовщиков и собственных радужных представлений. Среди множества причин, заставивших завербованных вернуться назад, назывался даже столь донимавший новичков местный гнус — изобилие комаров и мошки. Но наиболее распространенной причиной бегства были тяжелые материально-бытовые условия, явившиеся следствием замедленных темпов социальных преобразований Дальневосточного края, в результате чего усилился исторически сложившийся разрыв в уровне жизни дальневосточников и жителей центральных районов страны. К 1928 г. зарплата рабочих и служащих Дальнего Востока была в промышленности на 26,7%, на транспорте на 19,9%, в строительстве на 33,3% ниже средних показателей по РСФСР⁸. Поэтому уже в 1920-е годы часть квалифицированных работников стремилась уехать с Дальнего Востока в центральные районы страны, где, по их мнению, «...заработки выше, а условия жизни несравненно лучше»⁹.

В 30-е годы бывали случаи, когда завозимые в край рабочие отказывались даже выйти из вагонов, предъявляя постановления общего собрания о том, что «не выйдут из вагонов, пока им не дадут планового снабжения, жилищ хороших и пока не удовлетворят все, что записано в договоре¹⁰». Причины для подобных требований у вербованных рабочих были весьма основательными. Так, три семьи Хорошиловых, Шнякиных и Труниных, завербованные из разных мест (Воронежской, Тамбовской и Курской областей), общим числом 15 чел. (включая 9 детей от 3 до 15 лет), приехавшие в октябре 1938 г. в Хабаровск, были размещены в недостроенном здании поликлиники по ул. Знаменщикова. В коллективном обращении в краевой комитет ВКП(б) от 14.12.1938 г. главы семей указывали, что «живут в самых варварских условиях, в здании нет потолка, примитивная печь с железной трубой, выставленной в окно, дает только дым и копоть, а холод такой, что вода в ведрах промерзает до дна. Дети все переболели, чтобы добыть дрова, главы семей вынуждены прогуливать и оббивать пороги учреждений, но ...дров совершенно не дают». Возникли проблемы и с устройством детей в школу, — везде следовал отказ по причине отсутствия мест. Обращение в крайком партии возымело действие, судьба трех семей промпереселенцев была относительно устроена¹¹, но сколько таких же семей, не получив никаких приемлемых условий, вынуждены были вернуться назад. В результате

возникла такая форма социальной мобильности, как «обратничество». Руководители предприятий признавались, что «привозимые рабочие на 75—80% уезжают обратно»¹².

Отсутствие приемлемых жизненных условий порождало хроническую болезнь дальневосточной промышленности — огромную текучесть кадров, представлявшую еще одну форму социальной мобильности. Уже к концу 1920-х годов она достигла таких масштабов, что была названа в докладной записке Наркомата труда РСФСР о результатах обследования рабочего вопроса в крае «особенностью фабрично-заводской промышленности ДВК»¹³. Ее размеры были столь значительны, что состав некоторых предприятий почти полностью менялся в течение года; на угольных рудниках Партизанска и Артема текучесть кадров составляла более 70%. При этом основная масса увольнявшихся не проработала на предприятии даже года: до 3 месяцев — 25,2%, до 6 месяцев — 22,1%, до 1 года — 28,8%, свыше 1 года — 13,9%¹⁴. Аналогичная ситуация сохранялась и в 30-е годы. Так, в Хабаровске на заводе Дальдизель за 10 месяцев (январь—октябрь) 1936 г. состав строительных рабочих обновился почти в три раза, на заводе им. Горького за этот же период — в 2 раза¹⁵. Руководители предприятий признавались: «Я работаю... 4 месяца и за четыре месяца рабочие сменились четыре раза. Меня... спрашивают — знаешь ли ты своих рабочих, я говорю — не знаю»¹⁶.

Масштабы текучести кадров не ограничивались территорией одного города, а охватывали весь регион. Анализ механического движения населения принятый автором, показал, что за год состав жителей дальневосточных городов обновлялся практически на четверть. Неудовлетворительное снабжение продуктами питания и промтоварами, отсутствие необходимого культурного и медицинского обслуживания, крайне тяжелые условия труда, низкая заработная плата — все это в совокупности порождало ту легкость, с которой рабочие оставляли работу на своем предприятии, надеясь найти лучшие условия в другом месте. Но главной причиной столь высокой социальной мобильности было практически полное отсутствие жилья и видимой перспективы его получения¹⁷. По признанию руководства ряда промышленных предприятий региона «...скверные жилищные условия увеличивают текучесть кадров на 70%»¹⁸. Приезжавшие в эти годы в краевой центр утверждали, что «квартиру в Хабаровске найти так же трудно, как апельсин в Якутске»¹⁹. Отсутствие жилья побуждало кочевать из одного города в другой в поисках лучшей доли. Так, в 1928 г. из 14 609 чел. механически выбывших из г. Благовещенска, 12 112 чел. пустились искать счастья на территории края, и только 2497 чел. выехали за его пределы, главным образом в Сибирь, Якутию, центральные районы России и на Украину²⁰. В 1937 г. во время процедуры перевода из кандидатов в члены ВКП(б) на вопрос: «Почему часто менял место работы?» Один из рабочих дал ясный ответ: «Переходил на работу туда, где по слухам было лучше»²¹.

Дополнительным фактором, усиливавшим социальную мобильность населения дальневосточных городов, особенно в 20-е годы, являлось преимущественное развитие сезонных отраслей экономики: лесной, рыбной, золотодобывающей и пр. Постоянно нуждавшиеся в кадрах эти предприятия сулили надежды на быстрые заработки, что приводило к оттоку их из города, в основном в теплое время года. Коэффициент текучести кадров на городских предприятиях в весенне-летний период достигал своего максимума, в 1929 г. он составил 193,5%²². На IV Дальневосточном съезде Советов говорилось, что экономика региона характеризуется «доминирующим значением сезонных отраслей промышленности — лес, рыба и прочие, которые, втягивая все новые и новые кадры, создают, таким образом, приливы и отливы рук на основных предприятиях, препятствуя тем самым созданию постоянных кадров производственных рабочих»²³. В документах того времени появился даже специальный

термин для обозначения этого движения — «бродячая рабочая сила». Журнал «Дальневосточный партработник» за 1932 г. писал: «Эта «бродячая» рабочая сила в силу огромных территориальных пространств тратит массу времени на передвижение, а, следовательно, надолго выпадает из трудового баланса... Текучесть и прогулы отнимают сейчас у края до 15 млн. человеко-дней»²⁴.

В качестве меры, призванной сдерживать нежелательную для власти социальную мобильность населения, в 30-е годы применялись различные формы «самозакрепления»: до конца 2-й пятилетки, до конца строительства предприятия и т.д. Например, на Дальзаводе в г. Владивостоке на 1 января 1934 г. закрепились до конца второй пятилетки 375 чел.²⁵ В бригаде Черникова (завод Дальдизель г. Хабаровска) закрепились до конца пятилетки 50% состава²⁶. Были случаи, когда демобилизовавшиеся воины и командиры после окончания службы «закреплялись на ДВК пожизненно». Одним из таких «пожизненно закрепившихся» был бывший командир, работник завода Дальэнергомаш Чудиновский²⁷. С целью сохранения контингента работавших парткомы промышленных предприятий прикрепляли к каждому отделению коммуниста или комсомольца «для учета рабочих настроений и ведения ежедневной индивидуальной агитации»²⁸. Наряду с этим принимались и меры административного воздействия. Так, например, с «вербованными» договор обычно заключался на три года, но после его окончания их всячески старались удержать. На стройках г. Комсомольска-на-Амуре в 1935—1936 гг. большинство «вербованных» сумели оформить свое увольнение только «через суд»²⁹.

Для членов ВКП(б) фактором вынужденного «самозакрепления» стало снятие с партучета. Разрешение необходимо было выпросить сначала у парткома своего предприятия, а затем в горкоме или крайкоме ВКП(б). В архивных документах 30-х годов сохранилось большое количество писем с подобными просьбами. В качестве наиболее типичных оснований для выезда назывались: «расшатанное за время пребывания в регионе здоровье и разлука с семьей, оставшейся на родине»³⁰. Но, как правило, разрешение на выезд получить в 30-е годы было невозможно. Так, парткомом завода Дальэнергомаш (г. Хабаровск) в 1935 г. было отказано в «освобождении с завода» Киму А., Христину; в 1937 г. — Волостникову, Батаеву, Фомину, Гуськову и др.³¹ Получил отказ на просьбу сняться с партучета и остаться в Москве с большой в результате тяжелых родов женой инженер треста Амурзолото (г. Свободный) М.Я. Минаков³². В апреле 1940 г. было отказано в выезде с Дальнего Востока инженеру Благовещенской спичечной фабрики Ф.Л. Ткачеву, проработавшему к этому времени в регионе уже 6 лет и имевшему вызов начальника Главспичпрома на работу в г. Москве³³.

В соответствии с военизированной терминологией 30-х годов появилось особое понятие «дезертирство из пределов ДВК», которое оборачивалось как минимум лишением членства ВКП(б). На заводе Дальэнергомаш по этой причине были исключены из партии в 1935 г. «как дезертиры» Цибин, Белов, Иванова, в 1936 г. муж и жена Вяткины за выезд «из пределов ДВК без санкции парторганизации», в 1937 г. Пермяков — за «самовольный выезд с ДВК и отказ возвратиться обратно»³⁴. Даже разрешение на временный выезд из края в отпуск или на лечение коммунисту мог дать только горком или крайком ВКП(б) после предварительного согласия парткома предприятия³⁵. Подобные «меры закрепления» сформировали устойчивое отношение к ним дальневосточников, отраженное в информационном письме одного из уполномоченных по проведению переписи населения 1939 г. в Хабаровском крае. В качестве примера наиболее типичных «разговоров антисоветского порядка» он привел следующий: «Переписывают население для того, чтобы его закрепить в ДВК и не выпустить отсюда»³⁶.

Однако в 1937—1938 г. властью была организована насильственная форма обратной социальной мобильности, выразившаяся в массовой депортации населения из региона. 21 августа 1937 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края». Уже в сентябре было депортировано корейское население Спасска, Уссурийска и других городов Приморской области. Только по одному из списков, подготовленному городской чрезвычайной тройкой по переселению корейцев от 22.09 1937 г., подлежали высылке из г. Благовещенска 197 семей в составе 169 мужчин, 108 женщин и 148 детей, общей численностью 425 чел., согласно другому списку еще 224 семьи³⁷. 28 сентября 1937 г. СНК СССР принял новое постановление «О выселении корейцев с территории Дальневосточного края», которым увеличилось число переселенцев и расширялись границы районов, откуда должна была осуществляться депортация. Согласно официальным статистическим данным в 1937 г. из городов ДВК только в Казахстан выбыло 5653 чел.³⁸ Но и после этого продолжалась «зачистка» (так в документе) края от корейского населения, а заодно и от китайцев и «неблагонадежных» русских и украинцев³⁹. Среди получивших предписание в марте 1938 г. о выселении в недельный срок с ДВК с ограничением в правах жительства в центральных районах страны был хабаровчанин Н.Я. Зомба, прибывший в регион в 1929 г. как переселенец, проживший здесь 9 лет и выросший, по его собственному признанию, «в культурном отношении», так как «в продолжение этих лет работал и учился в вечерней школе»⁴⁰. Таким образом, в результате насильственной депортации Дальний Восток потерял население, успевшее адаптироваться к тяжелым условиям проживания и найти свое место в дальневосточном социуме.

Рассмотренные выше примеры являются преимущественно формами горизонтального типа социальной мобильности. Они диктовались структурными изменениями, обусловленными процессами освоения региона и его индустриализации, прямым следствием которой стала урбанизация, а также дальневосточной спецификой, выразившейся в крайне тяжелых природно-климатических и социальных условиях. В то же время как переселение на Дальний Восток, так и насильственная депортация за пределы региона могли стать отправной точкой социальной подъема (в первом случае) или социального спуска (во втором), т.е. сопровождаться вертикальной социальной мобильностью. Благоприятные условия для добровольной или вынужденной вертикальной мобильности обоих типов — восходящего и нисходящего — были созданы революцией и последующей политикой правящей партии.

Восходящий тип вертикальной мобильности для многих рабочих Дальнего Востока, как и страны в целом, выразился в форме «выдвиженчества», т.е. перевода на руководящую работу. Подобная мера позволила власти хоть в какой-то степени компенсировать острую нехватку высококвалифицированных и одновременно политически выдержанных кадров. Только за один 1928 г. в ДВК на руководящую работу было выдвинуто 699 чел.⁴¹ Среди них рабочий читинской электростанции Галунов, назначенный директором городского коммунального треста «Водосвет» и заведующим электростанцией; помощник машиниста Унжанов, участник Волочаевской битвы, ставший заведующим Амурским затоном; токарь механического цеха Дальзавода Селезнев, выдвинутый на должность мастера фабрики, и др.⁴² Многие выдвиженцы, получив возможность для более полной реализации своих личностных качеств, сумели проявить себя на новом месте.

Однако наряду с позитивными результатами эта форма социальной мобильности имела и негативные последствия. В рассказе «Секретарь фабзавкома», опубликованном в журнале «Рабочий путь» за 1927 г., так описывалась про-

цедура выдвижения: «На одном открытом партсобрании секретарь ячейки произнес: «Массовую работу на производстве надо упереть на крепкие выдвиженческие ноги. Дашь выдвиженцев! Дашь беспартийный актив!» После такого выступления началось массовое выдвиженчество. Выдвинули от 40 станков. Обливали ребята станки слезами, а на выдвиженчество, однако, пошли...»⁴³

Этот рассказ подтверждается партийными документами, свидетельствующими об отказе многих рабочих от выдвижения вплоть до совершения партпроступков⁴⁴ и о стремительно нараставшем обратном процессе — возвращении рабочих к прежним должностям. Одним из таких «возвращенцев» был М.П. Кельманов, 1872 г. рождения, слесарь почти с 40-летним стажем, выдвинутый на работу в губернский финансовый отдел и вернувшийся на прежнее место слесаря Читинских Главных мастерских⁴⁵. Анализируя сложившуюся в крае ситуацию, секретарь Далькрайкома ВКП(б) Н.А. Кубяк вынужден был признать, что «выдвиженцы уходят опять к станку»⁴⁶. Причина такого отношения рабочих, по мнению делегатов IX Дальневосточной партконференции, крылась в том, что «выдвиженцы в практической работе попадают в такие условия, что очень большой процент их уходит обратно. Были случаи, когда выдвиженцы приходили к врачам и просили их дать какую-нибудь записку, чтобы только уйти с выдвижения»⁴⁷.

Кроме очевидных мотивов такого поведения (потеря в зарплатке, волокита самой процедуры выдвиженчества, сложности новой работы и т.п.) были и чисто психологические, вызванные утратой своей прежней групповой принадлежности без предвзятого приспособления к новой социальной группе. Рабочие-выдвиженцы становились жертвами двойного сознания. Одно диктовалось предшествовавшим жизненным опытом, другое навязывалось новым руководящим положением, делавшим их проводниками политики правящей партии. Отрицательные последствия данной формы социальной мобильности сказывались не только на индивиде, но и на обществе в целом. Подлежавшие выдвижению рабочие, как правило, имели большой стаж работы, достаточно высокий уровень образования и квалификации, поэтому в результате их выдвижения производство теряло опытных наставников, способных передать свои знания молодежи. В то же время постоянное продвижение расторопных и энергичных, пользовавшихся уважением представителей рабочего класса на руководящие посты, лишало рядовых рабочих потенциальных лидеров, способных мобилизовать их для защиты собственных интересов.

Вертикальная мобильность в рассматриваемый период во многом определялась принадлежностью к правящей партии. Членство в ней не только давало преимущество при устройстве на работу и было своеобразной гарантией от увольнения, но и являлось достаточно надежным каналом социального и профессионального продвижения, т.е. социального подъема. Так, из всех выдвинутых на руководящую работу в 1928 г. члены ВКП(б) составляли 58,1%⁴⁸. В 1930-е годы возникло даже специальное словосочетание, подтверждавшее наличие прямой связи этих двух составляющих — «партрезерв выдвижения»⁴⁹.

В свою очередь исключение из коммунистической партии для человека автоматически предполагало социальный спуск. Так, с мая 1934 г. по январь 1938 г. Ленинским райкомом ВКП(б) г. Владивостока было «исключено из партии 200 человек... Многим исключенным не давали работы по 3 месяца». Часто лишение членства партии одного представителя семьи аналогичным образом сказывалось на судьбах других. В 1938 г. тот же райком исключил из партии Тарарина по обвинению в шпионаже (основанием для этого явилось то, что в 1921 г. будучи на Амурском фронте он был послан по спецзаданию в Маньчжурию). Тут же следом лишились партбилетов двое его сыновей и зять⁵⁰. Чтобы представить себе масштабы социальной мобильности, вызванной этим фактором,

достаточно сказать, что только за 1937 г., по данным статистических отчетов, из партии было исключено 3230 чел., более 11% от общей численности дальневосточных коммунистов⁵¹. Складывалась парадоксальная ситуация. В условиях острой нехватки квалифицированных кадров люди, обладавшие профессиональными знаниями, не могли устроиться на работу. В отчаянном втором по счету письме Сталину (первое осталось без ответа) хабаровчанин Е.Е. Клев, исключенный из партии после 13 лет пребывания в ней, писал: «Все двери для меня закрыты, куда не пойду, все от меня сторонятся как от прокаженного»⁵². В конце 30-х годов лишение партбилета нередко сопровождалось арестом. Так, из 38 чел., исключенных в 1937 г. Ворошиловским райкомом ВКП(б) г. Владивостока, было арестовано 25 чел., почти 70%⁵³.

В 30-е годы массовые репрессии стали важнейшим фактором, инспирировавшим нисходящий тип вертикальной мобильности населения. Вызванный необоснованным арестом социальный спуск был тем болезненнее, чем выше изначальное социальное положение осужденного. Жертвами становились не только сами арестованные, но и их семьи, для которых осознание падения вниз усиливалось реакцией окружающих. Так, Ксения Лисенко, жена бывшего директора кирпичного завода № 5 г. Хабаровска, в обращении к первому секретарю Далькрайкома ВКП(б) Г.М. Стацевичу писала, что после ареста ее мужа Ф.И. Лисенко «...его семья в презрении. Тот, кто раньше издали здоровался, теперь близко боится ко мне подойти». На такое же отношение жаловалась комсомольчанка Антонина Александровна Доронина, жена бывшего секретаря Комсомольского горкома ВКП(б), сама секретарь парткома строительства доков в г. Комсомольске-на-Амуре: «Вот уже 5,5 месяцев, как вокруг меня замкнулась стена...Со мной не разговаривают. На другой день после ареста мужа меня исключили из партии. 4 месяца без работы. В райкоме говорят: «Мы не мешаем тебе устраиваться, но если люди проявляют бдительность, мы не можем их останавливать»⁵⁴. Снижение социального положения не ограничивалось моральными муками, за ними, как правило, следовало увольнение, исключение из профсоюза, невозможность устроиться на другую работу, выселение из квартиры, а впоследствии и арест.

Таким образом, анализ социальной мобильности городского населения Дальнего Востока РСФСР в 20—30-е годы позволил выявить наличие разнообразных форм как горизонтальной, так и вертикальной мобильности восходящего и нисходящего типа. Главными факторами, ускорившими движение значительных масс, стали освоение и индустриализация региона, сопровождавшиеся ускоренной урбанизацией, тяжелые жилищно-бытовые условия, препятствовавшие закреплению работников, а также депортация и массовые репрессии.

¹ ГАХК. Ф.П.-2, оп. 6, д. 338, л. 46, 47.

² Ткачева Г.А. Демографические изменения на Дальнем Востоке России (в 20—40-е годы XX в.) // Дальний Восток России: ист. опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). Владивосток, 2001. С. 87.

³ Подсчитано автором на основании: Контрольные цифры народного хозяйства края на 1928/29 г. Хабаровск, 1928. С. 63; РГИА. Ф. 2306, оп. 69, д. 1977, л. 3 об; ГАХК Ф.П.-2, оп. 1, д. 78, л. 245.

⁴ ГАРФ. Ф. 7959, оп. 6, д. 2, л. 2.

⁵ В. Чернышева, Г. Чечулина, А. Суторин. Хабаровск: Очерк истории. С. 159—160.

⁶ ГАХК Ф.р. 353, оп. 5, д. 7, л. 25.

⁷ Там же. Ф.р. 719, оп. 4, д. 43, л. 153—153 об, 263—263 об.

⁸ Подсчитано автором на основании: ГАХК Ф. 353, оп. 11, д. 6, л. 66; История советского рабочего класса в 6-ти томах. Т. 2. Рабочий класс ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921—1937. М., 1984. С. 235.

⁹ РГИА. Ф. 2306, оп. 69, д. 1977, л. 8 об.

¹⁰ ГАХК Ф. П-30, оп. 1, д. 4, л. 133.

- 11 Там же. Ф.П.-2, оп. 6, д. 378, л. 23—28.
- 12 Там же. Ф. П-30, оп. 1, д. 4, л. 168.
- 13 РГИА. Ф. 2306, оп. 69, д. 1977, л. 8 об.
- 14 ГАПК. Ф. 1197, оп. 1, д. 8, л. 9.
- 15 Отчет о работе ЦК Профсоюза рабочих тяжелой промышленности Дальнего Востока. Хабаровск, 1937. С. 41.
- 16 ГАХК. Ф. П-30, оп. 1, д. 4, л. 80.
- 17 Кулинич Н.Г. Обеспеченность жильем городского населения Дальнего Востока РСФСР в 1920—1930 гг. // Четвертые Гродековские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф.: Приамурье в историко-культурном и естественнонаучном контексте России. Хабаровск. 2004. Ч. 1. С. 279—284.
- 18 ГАХК. Ф.П.-30, оп. 1, д. 10, л. 46.
- 19 Индустрия шагнула к океану. Хабаровск, 1974. С. 57.
- 20 ГАХК. Ф.р. 719, оп. 4, д. 3, л. 19.
- 21 Там же. Ф.П.-144, оп. 1, д. 5, л. 102.
- 22 РГИА ДВ. Ф.р. 2492, оп. 1, д. 73, л. 13.
- 23 Материалы к IV Дальневосточному съезду Советов. С. 129.
- 24 Кутузов Д.И. ДВК — на пороге второй пятилетки // Дальневост. партработник. 1932. № 1—2. С. 28.
- 25 Ворошиловец. 1934. 27 янв.
- 26 Молот. 1934. 17 янв.
- 27 ГАХК. Ф.П.-144, оп. 1, д. 6, л. 47.
- 28 Там же. Л. 57.
- 29 Кузьмина М. Комсомольск-на-Амуре: легенды, мифы и реальность. Комсомольск-на-Амуре, 2002. С. 114.
- 30 ГАХК. Ф.П.-2, оп. 6, д. 377, л. 4—7; д. 378, л. 71.
- 31 Там же. Ф.П.-144, оп. 1, д. 1, л. 8, 16, 18, 33, 62.
- 32 Там же. Ф.П.-2, оп. 6, д. 368, л. 12—16.
- 33 ГААО. Ф.р. 1343, оп. 1, д. 8, л. 46.
- 34 ГАХК. Ф.П.-144, оп. 1, д. 1, л. 8, 16, 18, 33, 62; Д. 5, л. 53, 78—80, 85.
- 35 Там же. Д. 1, л. 26, 27, 29.
- 36 Там же. Ф.П.-2, оп. 6, д. 379, л. 225—226.
- 37 ГААО. Ф.р. 81, оп. 1, д. 98, л. 3—21, 31—41.
- 38 ГАХК. Ф.р. 719, оп. 4, д. 43, л. 230—231.
- 39 Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопр. истории. 1994. № 5. С. 142—144.
- 40 ГАХК. Ф.П.-2, оп. 6, д. 368, л. 18—18 об.
- 41 Профессиональные союзы ДВК за два года (1927—1929 гг.): Отчет ДКСПС 3-му Дальневост. краевому съезду профсоюзов. Хабаровск, 1929. С. 29.
- 42 Тихоокеан. звезда. Хабаровск, 1928, 3 апр., 4 марта; РГИА ДВ. Ф.р. 2414, оп. 1, д. 580, л. 62.
- 43 Рабочий путь. 1927. № 7. С. 12.
- 44 ГАХК Ф.П.-2, оп. 1, д. 11, л. 386.
- 45 Там же. Д. 130, л. 26.
- 46 VII Дальневост. краевая конф. РКП(б) (20—26 ноября 1925 г.): стеногр. отчет. Хабаровск, 1925. С. 58.
- 47 IX Дальневост. краевая парт. конф. (22 февраля — 1 марта 1929 г.): стеногр. отчет. Хабаровск, 1929. С. 165.
- 48 Профессиональные союзы ДВК за два года (1927—1929 гг.). С. 29; Рабочий путь. 1928. № 4. С. 3.
- 49 ГАХК. Ф.П.-144, д. 1, л. 79 об.
- 50 Там же. Ф.П.-2, оп. 6, д. 338, л. 9—10.
- 51 Там же. Д. 341, л. 5, 50.
- 52 Там же. Д. 378, л. 5—8 об.
- 53 Там же. Д. 338, л. 11.
- 54 Там же. Д. 374, л. 34—38.

SUMMARY: One of the most important peculiarities of the social development of the Far Eastern cities in the 20s—30s of the 20th c. is a heightened social mobile movement of the population. This problem is analyzed in the article of Candidate of Historical Sciences Natalie Kulinich “Social mobility of urban population of the Far East (the 1920—1930s). Concerning to the problem of migrants”.

The author thinks that the principal factors in this process were development and industrialization of the region, hard social-everyday conditions. Special role was played by deportation and mass repressions.